

*Абул Мухсин Мухаммад Бакир
Ибн Мухаммад Али*

ВЕЛИКИЙ ШЕЙХ БАХАУДДИН НАКШБАНД,
СТУПЕНИ СУФИЙСКОГО ПУТИ. (МАКОМОТИ ХОДЖА
БАХОУДДИН НАКШБАНД) (ОТРЫВОК КНИГИ)

*Бисмиллахир -Рахманир-Рахийм
(Во Имя Аллаха Милостивого, Милосердного)*

Хвала Аллаху - Создателю миров, Он вознес высоко знамя шариата трудами ученых богословов и наполнил лучезарным светом светильники сердец «арифов»¹. Да пребудет благословение и милость Всевышнего на благородном Мухаммаде, наставившем нас на путь открытый и праведный, его семье и потомках его, чистых друзьях, их последователях и «авлие»², на суфиях, правоверных и последовавших за ними смиренно!

После этого смиренный и убогий Абу-л-Мухсин Мухаммад Бакир ибн Мухаммад Али, да простит Всевышний его прегрешения и укроет вину его, говорит так: «У этого слабопамятного был замысел написать трактат о знаменитом своей высокой степени духовности, познания, творящем удивительные чудеса нашем Шейхе, предводителе и повелителе Хаджаи Бузурге (Грандиозном Хадже) или (Бахауддине) Мухаммаде ибн Мухаммаде (Накшбанде аль-Бухари). Поистине великая цель и высокое желание собрать воедино эти страницы для изложения радений, духовных откровений (состояний), влияния и нрава Хазрата, да ниспошлет Всевышний Его благость на нас и на всех правоверных почитателей его!

Об этих радениях повествуется в трактате непосредственно со слов надежных людей Хазрати Ишана³, например, Хаджи Алауддина Аттара и Кутбу-лавлие Хазрата Хаджи Мухаммада Парса (к.с.а.), либо со ссылками на них, и из достоверных письменных источников для постижения пребывающих в саду Божественного Единства, да проснутся спящие к бодрствованию, и да примутся за дело Истины бодрствующие.

Однако замыслу автора не суждено было воплотиться в жизнь тотчас же по причине суетности бытия и временных напастей и смут. И только в 804 г. Хиджры (1401 г. от рождения Христова) сей трактат был начат и благочестиво завершен написанием.

Тщу себя надеждою, что трактат придется по нраву правоверным и уповаю на то, что носители благочестия и познавшие (вкусившие) посредством сво-

его благородного дыхания чудодейственную прелесть «Силсилы»⁴ обладатели милосердия великодушно не обделят своим взглядом недостойного, ставшего причиной создания сего трактата и помянут его в своих благих молитвах.

Трактат состоит из вступления (Мукаддима), 3-х частей (Максад) и заключения (Хатима).

МУКАДДИМА (Вступление) – повествует о рождении Хаджи Бузурга и его генеалогии, восходящей до Пророка (с.а.в.).

ПЕРВЫЙ МАКСАД – повествует о начале мистических состояний Хазрата Хаджи Бузурга (к.с.а.).

ВТОРОЙ МАКСАД - О совершенствах, путях (способах) достижения состояний и о медитациях, передаваемый со слов, изреченных его благословенными устами.

ТРЕТИЙ МАКСАД - О совершенных им чудесах.

ХАТИМА (Заключение) - Повествующее о кончине Хазрати Ишана.

Мукаддима (Вступление)

О рождении и духовной преемственности

(Силсиле) Хазрати Хаджи Бузурга

Знай же, Хазрати Хаджа Бузург, то есть Хаджа Бахауддин родился в месяце Мухаррам (первый месяц мусульманского лунного года) 718 года. Это был век Азизон⁵. Также (иные) утверждают, что было это в 721 году. Место рождения (Хазрата) и место погребения Касри Арифон.

Да будет известно, что приобщение к Пути и духовное образование нашего благословенного Хаджи было получено от Хазрата Саида Амира Кулала (к.с.), его - от Хаджи Мухаммада Баба Саммасы, его - от Хаджи Махмуда Анжир Фагнави, его - от Хаджи Ариффа Ревгари, его - от Хаджи Абдухалика Гиждувани, его - от Хаджи Юсу-

фа Хамадани, его - от Шейха Абу Али Фармиди, его - от Шейха Абул Касыма Гургани. Происхождение внутреннего знания Шейха Абул Касыма идет от двух личностей: первое – от Шейха Абул Хасана Харкани, его знание от Шейха Абу Язида Бистами. Кончина Шейха Абул Хасана после (кончины) Шейха Абу Язида. Воспитание Шейха Абу Язида происходило внутренне и посредством духа, а не через видимое общение. Наставник Шейха Абу Язида - Имам Джафар Сиддик (р.а.). Достоверно известно, что рождение Шейха Абу Язида произошло после (кончины) Хазрати Имама [Сиддика] и воспитание Имам осуществлял посредством духа.

Происхождение внутреннего знания Хазрати Имама Джафара Сиддика имеет двойную основу: первая от стопочтенного его отца - Имама Мухаммада Бакира, его - от отца - Имама Зайнул Абидана, его - от отца - Имама Хусайна, его от отца - Амирулмуминин Али (а.с.), Их - от Хазрата Рисолатпаноха [Пророка Мухаммада] (с.а.в.). Шейхов Тариката (к.с.а.), происходящих из благословенной Силсилы дома Пророка, называют «Силсилатуз - Захаб» (Золотой Силсилой).

Со второй стороны происхождения Имама Джафара Сиддика ведется от Касыма ибн Мухаммада ибн Абу Бакра Сиддика (р.а.). Хазрати Касым, будучи отцом Имама Джафара Сиддика, был одним из семи факихов (собеседников и друзей Пророка (с.а.в.) да будет доволен ими Аллах!). Его происхождение от Салмана Фарси (р.а.). Тот удостоился слышать благословенные речи Посланника Аллаха (с.а.в.) и имел предтечей Амирулмуминин Абу Бакра Сиддика (р.а.).

Шейх Абул Касым Гургани получил внутреннюю, скрытую волю от Шейха Абу Усмана Магриби, он - от Абу Али Катиба, он - от Абу Али Рутбари, он - от Джунайда Багдади, он - от Дауда Тойи,

он - от Хабиба Аджами, он - от Хасана Басри, он - от Амирил-муминин Али (каррамаллаху Ваджжаху), он - от Хазрата Посланника Аллаха (с.а.в.).

ПЕРВЫЙ МАКСАД,

повествующий о начале мистических состояний Хазрати Хаджи, да сохранит в святости его тайны Аллах.

Во имя Аллаха Милостивого Милосердного!

Хазрати Хаджа Алауддин Аттар – да будет благоуханна его могила – повествует с благословенных слов Хазрати Хаджи (к.с.а.): «Одной из милостей Всемогущего и Всемиловитивейшего Повелителя Истины [Аллаха] к недостойному (рабу его)⁶ было то, что с детства я был удостоен благословенного внимания и стал названным сыном святейшего шейха Хаджи Мухаммада Баба Саммаси, (к.с.а.). За некоторое время до моего рождения многократно проезжая через Касри Хиндувон, он каждый раз говорил: «Здесь пахнет духом Человека, в скором времени Касри Хиндувон превратится в Касри Арифон»⁷. Однажды, по пути от своего халифы Хазрати Саида Амир Кулала, приблизившись к Касри Арифон, он заявил: «Этот дух усилился, похоже, упомянутый Человек родился».

После этого остановился в Касри Арифон. Это происходило на третий день с рождения Хазрати Хаджи. Дед нашего Хаджи был почитателем Хаджи Мухаммада Баба Саммаси. Ему пришла мысль предоставить чадо пред светлый взор [шейха]. С этой мыслью, оказывая величайшую почтительность, он отнес [младенца] к Ним. Хазрати Мухаммад Баба изрек: «Он - наше чадо и мы приняли его». Затем, обратившись к друзьям, он сказал: «Этот Человек, дух которого мы чувствовали, и, надеюсь, он станет Предводителем Времени». Затем, обращаясь к Саиду Амир Кулалу, сказал: «Не жалея милостей для моего чада Бахауддина, если

же допустишь какой изъязн, не будет тебе моего прощения».

После этого он [Бахауддин] стал излучать внутренний свет святости и с юных лет проявлять диковинные и чудесные способности. По милости Всевышнего в эту пору возникла его священная способность предвидеть.

Со слов матери Хаджи, (к.с.), передают следующее: «Мой четырехлетний сын Бахауддин заявил: «Эта королева родит теленка с отметиной на лбу». Волею судьбы через 3-4 дня родился теленок с указанным признаком. Все в изумлении говорили: «Свершилось священное предсказание Хазрати Хаджи Мухаммада Баба».

Наш Хазрати Хаджа [Бахауддин] повествует: «Когда мне исполнилось 18 лет, я решил жениться. Дедушка послал меня в Саммас к Хазрати Хадже [Бабе Саммаси] пригласить его к нам, с тем, чтобы это богоугодное дело свершить под Его благословенным патронажем. Первым чудом было то, что, увидев Их лицо, услышав Их беседу, я встал с места и, войдя в Их мечеть, прочитал 2 ракаата⁸ молитвы. Затем, когда склонил голову в земном поклоне с нижайшей мольбой, из уст моих вырвалось: «Боже, не откажи в милости дать мне силу выдержать груз бед и невзгод и помощи вынести тяготы любви».

На рассвете я вошел в присутствие Хазрата Хаджи [Бабы Саммаси]. Они сказали: «О, дитя, молясь, необходимо просить: «О, Боже, направь раба своего на то поприще, которое изберет Божественная Воля Твоя», ибо Всемогущий и Праведный своею мудрой волей ниспосылает тяготы любви друзьям своим и благосклонно дарует им силы вынести тяготы сии. Мудрость же этого делает для него очевидной и явной. Добровольно же просить себе горе и кликать на себя беду - отнюдь не похвально, это – дерзость, и, бесцеремонность тут недопустима!».

После этого принесли трапезу. По-

сле еды [Баба Саммаси] дав мне лепешку, велел сохранить ее. Я подумал: зачем мне хлеб, ведь мы сыты и в скором времени будем у нас. Хаджа сказали мне: «Бери-бери, пригодится». Они отправились в путь, и я покорно следовал по Их стопам. Когда я в душе начинал рассеянно мечтать, Они, взглянув на меня, говорили: «Нужно сдерживать (порывы) сердца».

Дорогой мы пришли к дому одного из его дервишей⁹. Тот с глубочайшим почтением и смирением приблизился [к нам]. Когда вошли в дом, у дервиша появились признаки тревожного смущения. [Баба Саммаси] сказал: «Объясни свое состояние». Тот замялся: «Есть сливки, но нет хлеба». Обращаясь ко мне, Хаджа сказали: «Достань тот хлеб, теперь он пригодился». Под впечатлением этого события любовь в моем сердце усилилась еще более.

Придя в Касри Арифон, [Баба Саммаси] остановились в доме моего деда. Дедушка рассказал о моем намерении жениться. - «Хорошо, это дело надо исполнить», - сказали Хаджа. Дедушка изъявил желание сделать это в Их присутствии. Однако отец мой хотел, согласно обычаю, сделать все торжественно. Хаджа сказали: «Время дорого, торжества не обязательны, откладывая ни к чему». Отец воспротивился этим словам, так как не знал квартал (невесты). Тогда Хаджа сам пошел сватом, и люди приняли [сватовство]. Отец, узнав об этом, в одночасье изменил свое мнение и не стал настаивать на проведении торжеств.

Когда Хаджа Мухаммад Баба составил, дедушка повез меня в Самарканд. Где бы ни увидел дервиша, вел меня к нему на «сухбат»¹⁰ и выражал крайнюю заинтересованность. Затем привез меня в Бухару, где исполнил обряд [моей] женитьбы.

В ту пору, когда я был в Касри Арифоне, снизошла величайшая милость Творца: мне была ниспослана дерви-

шеская шапка – «кулах» Почитаемых, то есть Хазрата Хаджи Али Раметани (к.с.а.), и я пребывал в особенном состоянии. У меня появились великие упования и надежды.

Также, в это время нас посетил Хазрати Саид Амир Кулал, сказавший: «Хаджа Мухаммад Баба завещали мне не жалеть милостей для своего [названного] дитя Бахауддина, если же допущу в этом изъян, то не простят мне этого. Я буду недостоин зваться мужчиной, если не выполню заветы Хазрата Хаджи Мухаммада Бабы и допущу какое-либо отступление от них».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа говорил так: «Я и отец занимались тем, что ткали парчу и, согласно обычая молодых, у нас была отдельная комната. Однажды ночью мне приснился один из величайших тюркских шейхов Хаким Ато (к.с.а.). Он поручил меня попечительству одного дервиша. По пробуждении, в моей памяти запечатлелась его внешность. У меня была бабушка Салиха, я рассказывал ей свой сон. Она сказала: «Тебе выпала счастливая доля (милость) от тюркских шейхов». Я стал мечтать о встрече с этим дервишем.

Однажды, выходя из Ахангаранских ворот, я столкнулся с этим дервишем. Волосы его свисали как ветви плакучей ивы, на голове латанный-перелатанный колпак, в руках суковатый посох из корня дерева «уд». Я последовал за ним. Он не оглядывался. Я же шел, не отставая от него. Дойдя до улицы Мургуши, он вошел в один из домов, я же вернулся назад.

Ночью ко мне пришел один знакомый. Он сказал: «Тебя разыскивает тюркский шейх по имени Халил». Я с радостью поднялся с места. Была осенняя пора. Я взял немного бухарских фруктов в подарок и отправился в путь. Там была одна комната, дервиш сидел в углу ее. У него была группа людей. Поздоровавшись, я присел.

У меня возникло желание рассказать свое сновидение. В это время он обратился ко мне по-тюркски: «Тот, о ком ты думаешь, нам известен, - так к чему же слова?» Я изумился, расположенность моя еще более возросла.

Я стал с почтением служить ему. В его присутствии я наблюдал удивительные события. Спустя 6 лет он взойшел на престол Мавераннахра. Его звали Султан Халил. В тот период он также совершал великие действия. В течение 6 лет его царствования я почтительно служил ему и усвоил придворные обычаи, выполняя их с должным прилежанием. Самым близким и доверенным наперсником его был я.

Таким образом, я служил избраннику Аллаха. Иногда гневаясь, иногда ласково (правитель) осыпал меня милостями. Позднее у него появился враг. Он [правитель] был побежден. В одночасье его султанат¹¹ был низвергнут в небытие. Тогда я разочаровался во всех мирских делах. Вернувшись в Бухару, я стал жить в Ревартуне.»

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказывал: «Причиной пробуждения моего покаянного внимания и пробуждения бдительности было то, что однажды в уединении я с бласклонным чувством предавался воспоминаниям, когда внезапно услышал Глас. Он произнес: «Не пора ли, обратившись от прочих вещей, обратить лицо к Нам?»

Байт:

«Умрест, ки то аз они хеши,

Ин вафт кунун аз они мо бош!»¹²

От этого Голоса я преобразился и в смятении вышел на улицу. Поблизости протекала речка, была осень, я совершил омовение («гусл») и выстирал одежду. В таком виде я самозабвенно прочитал 2 ракаата молитвы. Прошли годы, но с таким воодушевлением и подъемом я больше никогда не смог молиться, как ни жаждал этого».

В ТРАКТАТЕ о Хазрате Саиде Амир Кулале говорится, что в бытность Хазрати Хаджи в свите Султана Халила его величали «Акрони Султан» и ему были вменены обязанности палача. В один из дней по доносу был схвачен и приведен человек. Султан Халил приговорил его к смерти. Хазрати Хаджа, положив его [приговоренного] наземь, достал клинок, призвал Божье прощение и нанес удар по шее. Лезвие не резало, во второй и в третий раз удары не причинили вреда. Хазрати Хаджа заметил, что при этом губы узника шевелились. – «Во имя Аллаха, в Чьих руках все души, ответь, что ты читаешь такое, от чего тебя клинок не берет?», – удивился Хазрати Хаджа.

Тот отвечает: «Я ничего не читаю, но у меня есть «пир»,¹³ и я прошу Его заступничества». Хазрат Хаджа спросил: «Кто твой пир?». Человек отвечал: «Саид Амир Кулал!»

Хазрати Хаджа и раньше знал Саида Амир Кулала. Услышав это, в нем укрепилась уверенность в том, что человек, спасший своего «мурида»¹⁴ от меча, может уберечь его и от пламени ада.

Байт:

«Мардони Худо Худо набошад,

Лекинзи Художудо набошад».¹⁵(перс.)

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «Совершив покаяние, в бытность мою в Ревартуне, я почтительно служил одному обществу (собранию). Неожиданно я опоздал ко времени совершения молитвы. Благочестивый и мудрейший Мавлана Сайфуддин Рамитани, бывший имамом той мечети, сказал: «Мы представляли тебя львом на nive поклонения [Всевышнему], а ты оказался на деле нарушителем рядов». Я сказал: «Вы представляли меня львом на nive поклонения, на деле же я - фальшивая подделка». Достопочтенный тотчас же прочитал мне байт:

«Руй андунанд наситонанд дар бозори ишк,

Холисе бояд ки аз оташ бурун ояд салим».¹⁶ (перс.)

От этих слов в душе моей возникла глубокая рана, и в сердце моем долго не утихало обжигающее пламя».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказывал: «В начале «ахваля»¹⁷ под воздействием Божественного Экстаза и страстного беспокойства я ночи напролет бродил по Бухаре. Однажды ночью я подошел к изголовью одной из священных могил (мазар). На каждой священной могиле, которую я посещал, я видел горящий светильник. Наготове были масло и фитилек. Однако требовалось слегка подправить фитилек - он, освобожденный из масла, начинал гореть с новой силой.

Ночью я подошел к гробнице Хаджи Мухаммада Васъи, (к.с.), о котором было достоверно известно, что он прибыл в Мавераннахр, будучи удостоен счастья лицезреть Пророка. Здесь я получил знак посетить могилу Хаджи Ахмада Аджфарнуи (сейчас его называют Хаджа Аджунди). Когда я достиг указанного места, ко мне приблизились два человека. Каждый из них был перепоясан двумя клинками. Меня посадили верхом и направили коня к гробнице Муздохун. Там я увидел лампаду и фитилек в упомянутом выше состоянии. Я сел лицом к «кибле»¹⁸. В это мгновение произошло невероятное – стена передо мной разверзлась и возник высокий престол. Престол был прикрыт зеленой завесой. Вокруг престола восседала группа людей. Среди них я узнал Хаджу Мухаммада Баба (Саммаси). Я понял, что это люди, покинувшие наш мир.

Один из сидящих сказал мне: «На престоле восседает Хаджа Абдухалик Гиждувани, а присутствующие - его заместники – халифы. Затем,

указывая на каждого, представил мне Хаджу Ахмада Сиддика, Хаджу Авлие Калана, Хаджу Арифа Ревгари, Хаджу Махмуда Анжир Фагнави, Хаджу Али Раметани - да сделает Всевышний их души святыми. Дойдя до Хаджи Мухаммада Баба, он сказал: «Его ты застал при жизни и шейх, давая тебе «кулах», сотворил чудо, сказав, что своей благодатью ты сможешь отвести грядущие беды».

Затем общество объявило: «Выслушай и хорошо вникни - Хазрати Хаджаи Бузург¹⁹ повелевает тебе: неуклонно следуй его наказу на пути Истинном!» Я спросил позволения почтительно приветствовать и лицезреть благословенный лик Хаджаи Джахона²⁰. Подняли завесу. Я увидел светозарного старца и приветствовал его. Он ответил на мое приветствие. Затем, рассказав о начале, середине и конце «Сулука»²¹, он сказал: «Светильники, указанные тебе ранее в их таком состоянии, есть для тебя знамение и благая весть о твоём предначертании, но фитиль дарований необходимо так подправлять, чтобы стало светло вокруг и тайное стало явным». Затем дал наставление: «Следуй всегда путем праведным, придерживайся Сунны²², сторонись ереси, руководствуйся Хадисами²³ Пророка нашего (с.а.в.); ищи и изучай высказывания и деяния благословенного Пророка и его великих последователей, да будет доволен ими Всемогущий!»

После этого общество обратилось ко мне: «Истинность происходящих событий удостоверит следующее - утром ты пойдешь к Мавлане Шамсуддину Албашканави и скажешь ему, что он в споре Тюрка и Сакко принял сторону Сакко, но прав не он, а Тюрк. Если Сакко станет тебе грубить, назови его сластолюбцем, он поймет, о чем речь. Второе доказательство истинности происходящего в том, что он [Сакко] имел греховную связь с

женщиной и, когда она забеременела, приказал избавиться от ребенка, которого закопал в определенном месте под виноградником».

Еще они напутствовали: «После выполнения поручения к Мавлане Шамсуддину, наутро возьми три изюминки и срочно через Реги Мурда отправляйся в Насаф на службу к Саиду Амиру Кулалу. По достижении вершины Карохун повстречаешь старца. Старец преподнесет тебе горячую лепешку и ты примешь этот горячий хлебец. В разговор с ним не вступай. Пройдя его, повстречаешь караван. Миновав караван, ты встретишь всадника и дашь ему наставление. Он раскается в своих прегрешениях перед тобой. Затем доставишь «кулах» Досточтимых Саиду Амиру Кулалу».

После этого общество привело меня в чувство. На рассвете я спешно направился в Ревартун. У знающих людей расспросил о «кулахе», сказали: «С некоторых пор в таком-то месте». Увидев кулах Досточтимых, я расчувствовался и долго плакал. Смирив сердце, я отправился в путь. Предрассветную молитву («бомдод») я сотворил в мечети Мавланы Шамсуддина. После молитвы я заявил: «Я послан с поручением» и затем рассказал о происшедшем Мавлане Шамсуддину. Мавлана Шамсуддин был несказанно удивлен. Сакко также был тут. Он отрицал правоту Тюрка. Я сказал Сакко: «Тебе не дано знать».

Он приумолк.- «Другой мой аргумент в том, что ты совершил запретное действие с женщиной, и оно дало свой плод. Ты избавился от него, зарыв его в определенном месте под виноградником». - Сакко отрицал и это.

Мавлана с людьми направились в указанное место и нашли ребенка. Сакко стал молить пощады. Мавлана и все присутствующие не смогли сдержаться слез.

Минул и этот день. На рассвете, со-

гласно наставления, взяв три изюминки, через Реги Мурда я собрался в Насаф. Узнавший о моем предстоящем отъезде Мавлана призвал меня к себе и сказал: «Я знаю о твоей проблеме, ее решение - в моих руках, оставайся и я займусь твоим воспитанием». В ответ я сказал: «Я - не ваше чадо, даже если вознамеритесь вскормить меня грудным молоком, я могу укусить сосок». Мавлана приумолк. Затем он позволил мне ехать.

В этот день я туго подпоясался, приказав двоим людям с концов затянуть мой пояс, и, исполненный решимости, двинулся в путь. Дойдя до вершины Карохун, я повстречал старца, давшего мне горячую лепешку. Взяв хлеб, я ничего не сказал ему в ответ. Продолжив путь, спустя значительное время я повстречал караван. Караванчики спросили: «Откуда идешь?». Я назвал им место. - «Когда ты вышел оттуда?» - Я ответил. - «Наверное, он безумец, от того кишлака до этого места - четыре фарсаха пути, мы вышли в начале ночи, и только что добрались сюда».

Миновав караван, я повстречал предсказанного всадника. Приблизившись, я поздоровался. Верховой воскликнул: «Ты внушаешь мне трепет, кто ты?!». - «Я тот, кто приведет тебя к раскаянию», - отвечивал я. Он тотчас же спрыгнул с коня, снял груз спиртного и, вылив его на землю, произнес слова раскаяния.

Проехав далее, я приблизился к границе Насафа. Въехал в кишлак, где жил Хазрат Саид Амир Кулал. Найдя его, удостоился чести служить ему. Я положил пред ним священный «кулах» Достопочтимых. Хазрат Саид Амир Кулал хранил благоговейное молчание. После продолжительной тишины он произнес: «Было указание хранить тебе «кулах» между двух покровов». Встав с места, я принял указание и взял «кулах».

После этого Хазрати Амир препо-

дал мне урок и научил исполнению беззвучного «зикра»²⁴ «нафи» и «исбат» (при помощи сердца, а не языка). Некоторое время я практиковал этот метод. По воле Хаджагон (суфиев-предшественников), (к.с.а.), я отказался от метода «алония» (произнесения вслух зикра) и полностью отрекся от этого метода».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «Всякая вещь на своем месте оказывает влияние и результат не замедляет проявиться явно». Я изучал Хадисы Пророка (с.а.в.) и с благоговением руководствовался деяниями благородных сподвижников (р.а.). Я изучал их жизненные принципы и неукоснительно им следовал. Результаты этого, по милости Божией, я видел на себе».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказывал: «В начале проявлений «Джазаба»²⁵ однажды ночью я находился на мазаре²⁶ Мардохун. Опираясь на меня, рядом стоял Дервиш Мухаммад Захид. В это мгновение мой дух отделился от тела, и, вращаясь, стал возноситься к небу. Таким образом, достиг Первого неба, затем Второго, Третьего, поднялся на Четвертое небо. Потом, вращаясь, опять вернулся на землю и вошел в тело. О моем состоянии Мухаммад Захид даже не ведал».

Мисра (полустиише):

«Никто не ведает того, в каком мы состояньи».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказал: «В начале состояний (экстаза) как-то ночью в Ревартуне я сидел за колонной [мечети] лицом к кибле. Внезапно появилось состояние небытия и исчезновения. Мало-помалу, усиливаясь, меня охватило и заполнило чувство отторженности, отделения от себя самого. В этом полном исчезновении и небытии я услышал: «Знай же, ты достиг желаемого и нашел цель своих устремлений».

ПОВЕСТВУЮТ, что наш Хазрати Хаджа поведал: «В первоначальном состоянии, после события в Ревартуне, в этом саду (ныне место захоронения Хазрати Хаджи) в окружении близких мне людей внезапно у меня стали проявляться признаки Божественного Экстаза и бесконечной ко мне Милости и Благодати. Я не в силах был сдержать охватившего меня душевного трепета и волнения. Поднявшись с места, я сел лицом к «кибле». В этот миг неопределенность превратилась в истинное «Фано»²⁷. В этом небытии я вдруг ясно увидел, как мой дух проносятся перед небесными ангелами. Дошло до такой степени, что он [дух] превратился в звезду и исчез, растворившись в бескрайнем потоке Света. В теле же моем не осталось никаких признаков жизни. Окружение и близкие в смятении и растерянности принялись оплакивать меня. Наконец, дух мой по частицам стали возвращать в телесную оболочку. Это полное небытие и отсутствие длилось ни много, ни мало - шесть астрономических часов».

ПЕРЕДАЮТ, что в конце жизни Хазрати Хаджа часто рассказывал о своем пути – «сулуке». Он сосредоточивал свое внимание на шейхах и подвижниках «Тариката»²⁸ – да благословит Аллах их души. Обращение к духу Уэйса Карани (р.а.) подвигало на полный разрыв явных и скрытых связей со всем мирским. Обращение – «таваджух»²⁹ к духу Хаджи Хакима Али Термизи (к.с.) не проявлялось явно. Оно не бросалось в глаза окружающим. [Хазрат Хаджа] сказал в 789 году: «Уже на протяжении 22-х лет мы следуем Тарикату – пути Хакима Али Термизи, и, на протяжении этого времени, он не проявлялся явно в каком-либо качестве. Если кто знает, в это время, и я не проявился в каком-либо качестве».

ОДИН непорочный дервиш пове-

ствует: «В начале «халя» Хазрати Хаджа (к.с.) был строго аскетичен. Изредка я удостаивался чести слышать его благородные речи. Так, однажды зимней порой было очень холодно. На рассвете Хазрати Хаджа вошел в мою убогую келью. На лице его была печать великого воздержания, он целиком отрешился от мира и отдалился от всего суетного. Он обратился ко мне: «Уже 8 месяцев как я сосредоточил свой дух и соединился с духом Уэйса Карани (р.а.), путешествуя в этом качестве, сегодня же я вышел из этого качества».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа говорил: «Однажды ночью я был в Ревартуне. В пути я приблизился к мосту. Внезапно мной овладело удивительное состояние и сердце мое осенили слова: «Проси с подобающей учтивостью всего, что пожелаешь от щедрот Наших!» [Я] ответил: «Господи, дай мне каплю от реки милостей и щедрот Твоих!». Прозвучало: «Ты просишь каплю от реки милостей Моих?!» Я преобразился, в душе моей поднялась буря страстей, я с такой силой ударил себя по лицу, что боль не проходила несколько дней после этого. Я промолвил: «Пречистый Вседержитель, пожертвуй мне реку щедрот и милостей Твоих, и, дай силы выдерживать это!» Тотчас же я ощутил благосклонность и благодатью ее увидел то, что увидел.

Байт:

«К великим вершинам возносит усердье благое

И лестницей станет ступень за ступенью усердье благое».

И мы назвали этот мост «Мостом усердия».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, рассказывая о началах «ахваля», Хазрати Хаджа поведал: «Когда мы вступили на этот Путь [духовного совершенствования] нас было двести человек. Моим стремлением было опередить их всех. Удо-

стоившись милости Всевышнего, я обошел всех и достиг заветной цели.»

Байт:

«Усердье достойных наставит на путь,

Усердье - вот то, что поможет с него не свернуть».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «Нет от меня прощенья тому, кто на пути к великой цели не ступит на мою голову, дабы превзойти меня!»

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказывал: «В начале Божественного Экстаза – «джазаба» мне довелось повстречаться с одним из приближенных ко Всемиловитейшему. Он сказал: «Видно ты из соискателей?». Я ответил: «Тщю себя надеждой по милости друзей стать им». Досточтимый спросил: «Какого стиля придержишься в обхождении?» Я ответил: «Когда найду – благодарю, а не найдя - терплю». Достопочтенный улыбнулся: «Ты выбрал легкую дорожку, должно же поступать иначе. Загони свой «нафс»³⁰ в колючие дебри, оставь его без пропитания, дабы изжить всяческую гордыню».

Я взмолился о его содействии [советом]. Он отвечал: «Удались в пустыню, порви все связи с суетным и таким путем иди три дня, на четвертый достигнешь подножия горы, где повстречаешь всадника на неоседланной лошади. Поздоровавшись, проходи мимо. После трех шагов он окликнет тебя: «Эй, парень, у меня есть хлеб, возьми его». Не оказывай ему внимания».

Я последовал указаниям достопочтенного и отправился в пустыню. Прошло три дня и, на четвертый, я приблизился к подножию горы. Появился указанный всадник. Я поздоровался и стал обходить его стороной. Предложенный хлеб я оставил без внимания.

Еще достопочтенный сказал: «Добивайся расположения людей, бескорыстно помогай немощным и беспомощным, принимай участие в судьбе

оставленных без помощи и сострадания другими. Долгое время я исполнял эти указания со всем подобающим прилежанием.

Еще достопочтенный наставлял: «Последовательно и сердобольно относись к животным, ибо они тоже создания Божьи и находятся под его опекой. Если увидишь раны и язвы на спине и боках их – исцеляй их». Продолжительный период времени я занимался этим делом. Если где-либо я встречал животное, то пропускал сначала его, уступая дорогу. Я прикасался челом к следам мулов. Семь лет провел я таким образом.

Также наставлял достопочтенный: «Неуклонно стремись к цели, смиренно обслуживая здешних собак. На этом попроще повстречаешь пса, который поможет тебе ощутить блаженство». Я воспринял как великое благо это указание, истово ухаживал за собаками. Однажды ночью я повстречал собаку и пришел в смятение и с мольбой обратился к ней. Горькие рыдания сотрясали меня. Взглянув на животное, я увидел, что собака, запрокинувшись на спину, и, задрвав четыре лапы, устремила взгляд на небо. Слышался ее заунывный вой. Я воздел руки [в молитве] и не опускал ладони до тех пор, пока собака не пришла в себя.

Как-то в ту же пору жарким летним днем я шел из Касри Арифон. Вдруг взгляд мой упал на саламандру. Она не отрывала замороженного взгляда от раскаленного солнца. Ее состояние породило во мне восторг. Мне вдруг пришло на ум попросить ее заступничества (покровительства). С почтительным благоговением я воздел руки для молитвы. Животное вышло из зачарованного оцепенения и, придя в себя, легло на спину, воздев взгляд к небесам. Я же повторял «Аминь».

Также достопочтенный сказал: «Теперь начинай обслуживать дороги, расчищай их и устраний все, что ме-

шает путникам». Много времени я уделял этому занятию. Семь лет мои рукава и подол одежды несли следы дорожной пыли. Все наставления благословенного я выполнял сполна и сполна ощутил на себе их благотворное влияние».

ПОВЕСТВУЮТ, что по достижении высоких духовных состояний Хазрати Хаджа рассказывал о начале своего духовного пути: «Стояла зимняя пора, было очень холодно, вода превратилась в лед. Однажды я с группой дервишей заночевал в Ревартуне, в эту ночь у меня возникла потребность совершить полное омовение («гусл»). Я вышел на двор. Мои попытки взломать лед потерпели неудачу. Теплой воды для омовения не оказалось. Я не хотел беспокоить никого из спящих. Поэтому, никому не говоря, я накинул на плечи старую доху и направился из Ревартуна в Касри Арифон. Придя в свой дом, я не захотел беспокоить домашних. Поискав вокруг, я, наконец, нашел кувшин для пойки мулов, лежавший возле «хауза» (водоема) у мечети. С большим трудом, изранив руки, я взломал лед. Набрал в кувшин воды, я совершил полное омовение – «гусл». Стоял сильный холод, и я продрог до костей. Надев доху, я по ночной стуже возвратился в Ревартун. Никто не заметил моих хождений».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «В пору моей молодости я просил у Всемогущего Творца даровать мне благочестие и силы для того, чтобы выдержать все тяготы этого пути. Повелитель Вечности всемилостиво принял мои мольбы. В молодости, восприняв, все тяготы пути, к старости я стал свободен».

Байт:

«Кто хочет милость свыше ощутить,
Тот должен старого раба освободить».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа изрек: «В начале (духовного) пути, я

спрашивал у достигших успеха: «Бесильный вопрошает сильных – что надобно делать?» Мне отвечали: «Необходимо терпеть». В один из дней я повстречал одного из приближенных к Истинному [Богу]. Он спросил: «В каком ты состоянии?» Я отвечал: «Я жажду благосклонной поддержки». Ответом было: «О, дитя, мы искали, но тщетно, ищи же и обязательно обретешь!». Вдохновленный благим напутствием достопочтенного, я ощутил прилив сил и продвижение мое ускорилося».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказывал: «Волею судеб как-то я оказался в игорном доме. Я увидел человека, проигравшегося до последней копейки. Несмотря на это он заявил приятелю: «Эй, дружище, я не останюсь, даже если проиграю свою голову». Это его состояние привело меня в восторг и пробудило во мне новые силы».

Байт:

«Покуда огню не предашь ты все то, чем владеешь,

Ты истины всей осознать никогда не сумеешь».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «В начале [духовных] состояний я имел обычай прислушиваться, если беседовали два человека. Если они говорили о Нем [Всевышнем] - я радовался, если же нет - я впадал в печаль».

Маснави:

«Пусть о Тебе гласит язык –

Иначе пусть отсохнет.

Пусть сердце помнит о Тебе,

Иначе – превратится в лед».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «Временами меня охватывало смятение, и, я бросался на поиски того, кому мог поведать и от кого выслушать о цели своих устремлений».

Байт:

«Коль не найду Тебя,

Найду кого-то,

Кто усладил бы сердца слух,
Тебя лишь прославляя».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Хаджа говорил: «После того, как Всемиловейший Вершитель Приговоров [Аллах] открыл для меня двери раскаяния, шел я как-то по дороге. Проходившая мимо группа друзей приблизилась ко мне и [они] стали убеждать меня последовать их путем («тарика»), проявляя при этом непомерное рвение. По милости Всевышнего я вспомнил «калиму» [высказывание]: «Дверь, затворенную Господом, не дано отворить вам». «Мо яфтахуллоху лаху ва мюмсику, фа-ло мурсила лаху мин баъдихи»³¹.

Фард:

«Никто не затворит дверь, отворенную Тобою, мой Господь,

Никто не отворит дверь, затворенную Тобою, мой Господь».

Слова эти возымели действие на общество и они покаяться».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрати Хаджа говорил: «В пору моих духовных изысканий дважды смущал меня дух Мансура Халладжа³². Дважды я подводил себя к виселице и говорил: «Здесь - на виселице твое место!» По милости Всевышнего я миновал и эту стоянку – «маком»³³.

От Хазрати Азизон, да пребудет с Ним милость и довольство Аллаха, дошло: «Если бы на Земле был хоть один потомок Хаджи Абдулхалика Гиждувани (к.с.а.), то Мансур [Халладж] никогда бы не был повешен».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказывал: «В смятении от охватившего меня экстаза, куда бы я ни шел, всюду в ноги мои впились тернии и колючки. На плечах моих всегда была старая шуба. Как-то зимней порой стояла сильная стужа. Ночью у меня возникла потребность общения с Саидом Амир Кулалом – да будут святы его тайны. Я направился к нему. Амир сидел с дервишами. Когда Их благо-

словенный взгляд упал на меня, спросили: «Кто это?». Получив ответ, сказали: «Выбросите его отсюда немедленно!» Удалившись, я снова возвратился в присутствие. Разгневавшись, Они изгнали меня, крикнув вслед: «Убейся и не возвращайся, твоим желаниям не сбыться за этой дверью!» после выдворения мой «нафс» вышел из повиновения и я едва удержал бразды правления им. Я направился в город. Дорога привела меня в игорный дом. Там я увидел двух людей и услышал их диалог. Один из них заявил: «О, дорогой друг, теперь я ставлю на кон свою жизнь!»

Рубаи:

«О, спорящий с луною лика красотой,

Пыль из-под ног твоих для глаз моих
Бальзамом стала и мечтой.

Прими же в дар ты мой душу, сердце, тело,

Я душу жертвую, она пусть служит
Лишь твоей услады делу».

Я сазал себе: «Эй, Бахоуддин, стыдись быть на своем пути ниже азартного игрока!» В это время на меня снизошла милость Аллаха. Я подумал: «Мое унижение во имя Господина Справедливости, у этих дверей ты добьешься желанной цели и тебе не избежать их!» Приняв решение, я возложил голову на порог: «Будь, что будет, но я не сойду с этого места!»

Рубаи:

«Пока я жив, твоя печаль – моя печаль,

Когда же нет тебя – предела нет
моим слезам

Пусть грянет Судный день, в душе
одна любовь к тебе

Лежу, стена, прах порога твоего
прижав к глазам».

Ночью выпало немного снега, сильно похолодало. Ближе к рассвету я пришел в присутствие Амира и положил голову на его порог. Выйдя из дому, он поставил свою благословен-

ную стопу на мою голову. Затем он поднял меня с порога. Вернувшись в дом, он ввел меня вместе с собой. Затем благовестил: «О, чадо, тебе подобает и соответствует сей счастливый покров!» Избавив своими пречистыми руками мои ноги от терний и колючек и, оmyв мои раны, он устремил на меня долгий взор.

Рубаи:

К сокровищнице сущности ты овладей ключами

И жемчуг цели обрети, к порогу счастья торопясь

Бессонными ночами,

И, лишь пройдя сей путь нелегкий,

Ты милости сердечной друга ожидай».

ПОВЕСТВУЮТ, что рассказывая о своем подвижничестве на ниве борьбы за веру, Хазрати Хаджа упоминал о недостатках своих учеников: «Каждый раз, выходя на рассвете из дому, я думал, где тот ученик, который возложит голову на мой порог. Однако весь мир превратился в шейхов, муридов (последователей) же нет, как нет!»

Байт:

«Кто хочет к сердцу друга путь найти -

Жизнь свою должен в жертву принести.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрат Хаджа рассказывал: «Я был в Бухаре, когда у меня возникла потребность услышать благородные речи Саида Амира Кулала. Я отправился в Насаф. Добравшись до него, я услышал: «О, дитя покорности, ты пришел очень кстати. Я сложил печь для обжига [кувшинов], однако некому собрать дров». Я возрадовался такому указанию, и, собрав дрова, принес их на себе к гончарной печи.

Байт:

“Так был исполнен предвкушением
увидеть блеск Каабы,

Что шелком нежным мне казались
острые акации шипы”.

Саид Амир Кулал в своей «Рисале» [трактате] пишет о том, что Хазрати Хаджа, приехав из Бухары в Насаф, приготовился развести огонь в гончарной печи. Саид Амир Кулал, дав ему палку, велел разжечь пламя. Стояла сильная жара. На плечах Хазрати Хаджи была надета старая шуба. Жар пламени заставил его сбросить с благородного тела шубу и швырнуть ее в огонь. Тотчас Амир спросил его: «Эй, дитя, зачем ты сделал это?». Хазрати Хаджа отвечал: «Простите великодушно!». Амир велел: «Эй, чадо, вынеси из огня свою шубу!». Он трижды повторил это. Хаджа стал оправдываться, наконец, он сказал: «О, Махдум, ³⁴ даже если бы шуба была из железа или камня, она бы уже растаяла, но это – всего лишь шуба!» Амир отвечал: «О, дитя Бахауддин, вещи, годами носимые на теле сжигаемых страстью к Всевышнему дервишей, в силах сжечь пламя этого мира!».

Мисра:

«Единойды сгоревший - не сгорит дважды!»

«Эй, Бахауддин, ты бы сгорел, войдя по собственной воле, сейчас тебя насильно вводят [в огонь], не бойся же - войди!».

Произнеся «Бисмилляхир Рахманир Рахийм», Хазрати Хаджа вступил в огонь и увидел в самом сердце пламени неврединую шубу, ни одна шерстинка которой не пострадала от огня. Взяв шубу, он вышел наружу. Амир дал ему свой наказ: «Знай же, о, дитя, вещи, носимые дервишами, не подвержены огню сего мира. Своим усердием добейся места в сердцах дервишей и тогда тебя не опалит пламя Ада».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказывал: «Некоторое время я изучал Хадисы у Хазрата Мавланы Бахауддина Деггарани. Однажды мне выпало попасть в Насаф. Вдруг я увидел Хазрата Ишана [Деггарани], сооружающего кровлю. В этой местно-

сти было много «юлгуна» и других искривленных деревьев. Возникла нужда в тополе. Мавлана произнес: «Увы, мой топор остался в Бухаре у Мавланы Хисамуддина Асили». Воспользовавшись тем, что Мавлана отвлекся, я потихонечку отправился в Бухару. На следующий день топор был доставлен мной в Насаф к услугам Мавланы».

ПОВЕСТВУЮТ, что во времена строительства мечети в Касри Арифон наш достопочтенный Хазрати Хаджа, таская на своей благородной голове землю для настилки крыши мечети, произносил следующий байт:

«Со всей душою дело делаю Твое – а как иначе.

И ноши Твоей груз на голову я возложу – а как иначе».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа говорил: «В дни полного торжества надо мной Божественного Экстаза – «Джазаба» я собрался ехать из Бухары в Насаф, дабы удостоиться благословенной беседы Саида Амира Кулала (к.с.). По достижении мной Чугарота [поселения молочников] я повстречал верхового. Подобно пастухам он держал крепкую палку и носил войлочный колпак. Приблизившись, он ударил меня палкой и спросил по-тюркски: «Видел ли коней?». Я ему ничего не отвечал. Он препятствовал мне несколько раз, преграждая путь. Наконец я заявил: «Я знаю - кто ты!» Всадник сопровождал меня до Рабата Караул. Он предложил: «Давай побеседуем вдвоем». Я не обращал на него внимания. Когда я достиг присутствия, Хазрати Амир спросил: «Почему ты отказал во внимании Хазрати Хызру³⁵(р.а.)?» Я отвечал: «Я предназначил себя служить Вам, поэтому не считал возможным отвлекаться на него».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа рассказывал: «В бытность мою на службе у Хазрата Саида Амира Кулала, он провел черту на земле и заявил: «Никто не переступит ее». Сообще-

ство дервишей пришло в замешательство. По Божественному наитию я переступил черту и последовал за Амиром. По приближении к нему, [Амир Кулал], обратив свой взор на меня, заявил: «О дитя, хорошо, что ради черты ты не отстал от меня!».

Байт:

«Там, где увидишь - грань проводят разделенья,

Стремись не оказаться за чертою отчужденья»

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды наш Хазрати Хаджа (к.с.а.) вместе с одним из сподвижников направлялся к Хазрату Саиду Амиру Кулалу. В пути речь зашла о любви. Хазрати Хаджа спросил: «До какой степени ты предан мне?» - «Если скажешь: умри – умру» - был ответ. - «Умри» - сказал Хаджа. В тот же миг достопочтимый упал и умер. Увидя это, Хаджа пришел в изумление. «Иди к Саиду Амиру Кулалу» - был глас. [Хазрат Хаджа] пришел к Амиру. Амир приказал:

Рубай:

«Коль ты желаньем благосклонности моей томим,

Тебе открыты двери к милостям моим.

Страданья, что в глубинах сердца твоего

Поведай нам – их мы в глубокой тайне сохраним».

Затем изрек: «Эй, дитя, теперь не время ждать, иди и прикажи ему «воскресни!»».

Возвратившись, Хаджа увидел, что [упомянутый] достопочтенный раздулся, так как стояла жара, и покойник пролежал на солнце пять – шесть часов. Хазрати Хаджа велел: «Воскресни!». Тот достопочтенный ожил и поднялся с места.

Байт:

«Что толку, если даже Фаридун учитель был его,

Коль ремесла не перенял он у наставника его»

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа (к.с.а.) поведал: «Охваченный Божественным Экстазом «Джазаба», я как-то направился из Бухары в Насаф. Кстати, там была и моя мама. Ко времени предрассветной молитвы – «бомдод» я достиг места, где молился молодой человек, который, воздев ладони, просил Всевышнего. Я спросил, о чем его молитва. Он ответил: «У меня есть отец и мать, и, я молил Всевышнего о том, чтобы он разлучил меня с ними, если они воспрепятствуют мне искать Его».

В знак благословения я произнес: «Аминь»

Байт:

«Тот, в чьей природе человечность есть,

он - человек родной тебе,

Но коль пути влюбленных сторонится, знай,

что этот человек - чужак тебе».

Передают, что после первого «хаджа»³⁶ Хазрати Хаджа через Насаф возвращался в Бухару. Мать его находилась в Бухаре. Говорят, что желание увидеться с матерью было очень велико. Он повторял: «Не будь того, не было бы этого, то есть, если бы Вседержитель не подвиг, этого желания бы не было!» Говоря это, он оседлал осла и направился в Бухару. Проехав какое-то расстояние, он почувствовал перемену в себе, и, на протяжении дальнейшего пути трижды повторил «тавба»³⁷. Затем произнес: «Он укорил меня за то, что претендуя на Его любовь, я устремляюсь ко встрече с друзьями!»

Байт:

«Богобоязненности на лице чьем не видать следа,

Пусть даже мне отец родной, с ним будет у меня вражда».

КАК ПОВЕДАЛ «Кутб-ул-Авлие»³⁸ Хазрати Хаджа Мухаммад Парса (к.с.): «Вернувшегося после первого «хаджа» Хазрати Хаджу в его доме пооче-

редно посещали его приверженцы. Покорный слуга также посетил [Хазрата]. Обратившись ко мне, [Хазрат] сказал: «Среди всех посетителей ты - единственный, направивший свой внутренний взор на меня и таким вошедший сюда. За все время моего отсутствия, преодолевая все тяготы и лишения, я чувствовал твой внутренний взор («ботин») и незримую связь со мной. Слава Господу Создателю миров. Аминь!»

Затем, глядя на меня благосклонным взором, сказал: «Все, чем владеем мы - бери себе без остатка!»

После этого, день ото дня, усиливал свою благосклонность к покорному слуге и предписал украшать себя благосклонностью Всевышнего, отречься от суетности и бросить в реку забвения все мирские побуждения. В конце жизни [Хазрат] так отозвался о своем приверженце [Мухаммаде Парса]: «Он никогда не разочаровывал меня, другие давали повод разочароваться, он же - никогда. Если я отводил от него свой внутренний взор [«ботин»] - это было очень кратковременно. Сейчас же он направлен на него. Я остаюсь при том же мнении, которое высказывал о нем в кругу друзей в Хиджазе. Если б он был сейчас здесь, я бы высказался еще лучше!». Он [Хазрат] относился ко мне и вспоминал с большой симпатией».

Байт:

« Мечтам и упованиям нашим несть конца,

Твоя, о, Боже, благосклонность к нам

Бесцеремонной дерзостью наполнила сердца».

«В степях Хиджаза [Хазрати Хаджа] поручил этому недостойному [Хаджа Мухаммад Парса подразумевает себя] заниматься самосозерцанием и обучил различным методам его, наказав хранить в тайниках памяти свой образ. [Хазрати Хаджа] сказал также: «Я

согласен с тем, что говорил о нем [Мухаммаде Парса] Мавлана Ариф, однако воплотить сказанное полностью в жизнь - зависит от нас. В другом месте сказал: «Его путь – Божественный Экстаз, состояние - между Прекрасным и Великим [«Джамал» и «Джалал»], расположение духа связано с Божественным Знанием – «Илм».

Когда Хазрати Хаджа в Хиджазском путешествии заболел, в кругу приближенных он завещал Мухаммаду Парса: «Все сокровища истины, доставшиеся нам от Хаджей Тариката и все, что на этом Пути приобрели мы, все это мы передаем тебе, прими это, как мы приняли от Мавланы Арифа и донеси до людей Аллаха!»

Это утверждалось так, как ничто другое из сказанного приближенным. В последние дни жизни эти заветы вновь были повторены им.

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «В начале «халы», в течение шести месяцев, потаенные двери были для меня закрыты и я не ощущал никакого «Файза»³⁹. Я был в смятении и беспокойстве. Я опять дал зарок отречения от тварного мира. В это время дорога привела меня к мечети. На двери мечети было написано:

«Приди к Нам, Мы - твое, о, друг,

Не отстраняйся, ближе будь, о, друг».

После этого для меня вновь открылись двери Божественного Вдохновения – «Файз».

КАК ПОВЕСТВУЮТ, Хазрати Хаджа поведал: «Передают, что Султан-ул-Арифин [Султан Совершенных]⁴⁰ сказал: «Достигнув макома «Сайр»,⁴¹ я занимался созерцанием, приняв качества всех пророков и нашего Пророка (с.а.в.), воплотившись в их состояние. Тогда, достигнув местопребывания Мустафо⁴² (Пророка Мухаммада) (с.а.в.), я вознамерился воплотиться в Его качество и заняться созерцанием – «Сайр». Он [Пророк] возложил свои руки на мое чело».

Наш Хазрати Хаджа (к.с.а.) сказал: «Когда я достиг этой стоянки, милостью Всевышнего, я не допустил бестактной дерзости. С подобающим трепетом и благоговением я почтительно и нижайше возложил голову на порог Повелителя [Пророка (с.а.в.)]».

Один дервиш рассказал: «Я сопровождал Хазрати Хадже (к.с.) по дороге в Насаф. Рассказывая о своих духовных исканиях «сулук», он упоминал многих шейхов и поведал: «Я побывал на «макоме» Султана Абу Язида (к.с.) и достиг того, чего достиг он. Я достиг также и того, чего достигли Шейх Джунайд, Шейх Шибли и Шейх Мансур. Наконец, я достиг того Места, величественнее которого нет. Я понял, что это – местонахождение Мухаммада (с.а.в.). Я не поступил подобно Баязиду, то есть, не допустил бестактности».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «Во время «шом»⁴³ появились «Кутбы»⁴⁴ и группа Столпов Земли, которые, усадив меня на белый войлочный ковер, подняли его за края. Усадили меня на Великий Престол. Следовательно, после этого никакие невзгоды не омрачат меня».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа (к.с.) был чрезвычайно аскетичен. В месте, где сейчас мемориальный сад, у него была келья и, будучи, в Касри Арифон, он, по большей части, жил в ней. В келье были поломанный кувшин и старенькая циновка, в этой необычной обстановке он проводил свои дни. Несмотря на суровое воздержание, он помогал другим нести ношу добывания хлеба насущного. Иногда его ноша начинала двигаться сама по себе, однако, он не обращал внимания на это. Он стремился скрывать свои удивительные способности. Говорил: «Не следует уповать на плоды аскетизма». Подобных диковинных происшествий было во множестве.

Он был очень воздержан в пище. Иной раз постился. Но если в такой день приходил гость, будь то первая, будь вторая половина дня, когда готовилось и приносилось блюдо, он садился есть вместе с гостем. Когда не постился, он был также воздержан в пище. В отношении еды он был очень неприхотлив, это качество передавалось и тому, кто удостоивался Его благословенной беседы. В таком качестве Он провел семь лет, однако никто не подозревал, насколько аскетический образ жизни он вел.

ПОВЕСТВУЮТ, что в благословенной беседе у нашего Хаджи прозвучало изречение Султана Арифов⁴⁵: «Сколько бы не прошел идущий по этому Пути, его последний шаг попадет на наш первый». В сердцах Хаджа воскликнул: «Да лишится милости Всевышнего тот, чей первый шаг не попадет на последний шаг Баязида!» и добавил: «Мы завершали там, где начинаем».

ПО ПРЕДАНИЮ, у Хазрати Хаджи (к.с.) спросили: «По мнению многих шейхов Султан Арифов унаследовал от Пророка (с.а.в.) Боговдохновенность, так ли это?». Он [Хазрат] ответил: «Он был предназначен для своего времени».

ПОВЕСТВУЮТ, что в начале «ахваля», в шубе, одетой наизнанку Хазрати Хаджа проходил по базару Саррафон в Бухаре. Один дервиш, схватив его за ворот, спросил: «Во имя Всевышнего открой мне истину – как в столь недолгий срок ты достиг такой [превосходной] степени?». - «Собирая крохи», - ответил наш Хаджа.

ПОВЕСТВУЮТ, что в начале «ахваля» Хазрати Хаджа (к.с.) как-то направился в кишлак Хаджа Мубарак, дабы послужить Мавлане Бахауддину. Мавлана сказал ему: «Для птицы твоего полета нужно, чтобы рядом был твой друг Ариф Ревгари!» Хаджа ответил: «Поскорей бы удостоиться его бесе-

ды», и загорелся желанием беседы с Мавланой Арифом. Мавлана Ариф был в Ревгаране. Вместе с «барадарами»⁴⁶ Мавланой Амир Ашрафом, Мавланой Амир Хусайном, Амир Хурдом Вабканди и отцом – Хаджой Ахмадом Мисгаром они сеяли хлопок. Мавлана Бахауддин сказал Хазрати Хадже: «Если хочешь увидеть Арифа, мы его призовем, и, поднявшись на крышу, трижды произнес: «Ариф». Среди дня, прервав работу, Мавлана Ариф сказал окружающим: «Ступайте по домам, меня призвал Мавлана Бахауддин.» В полдень, еще до того, как котел был снят с огня, он прибыл в кишлак – это была первая встреча [Хазрати Хаджи] с Мавланой Арифом.

ПОВЕСТВУЮТ, ЧТО когда наш Хазрати Хаджа (к.с.) как-то в кишлаке Хаджа Мубарак прислуживал достопочтенному Саиду Амир Кулалу, ему в голову пришла мысль: «Есть ли кто-то, кого Хазрати Амир ценит выше меня?» Тут же один человек привел барана. Хаджа подумал: «Хорошо бы сейчас, пока готовится барашек, здесь оказался Мавлана Ариф. Тотчас Амир приказал: «Эй, Бахауддин, вставай! Призови сюда Мавлану Арифа, пусть придет».

Выйдя наружу и пройдя за угол дома, Хаджа трижды негромко произнес: «О, Мавлана Ариф». Не успел он возвратиться на место и сесть, как во двор вошел и поздоровался Мавлана Ариф. Он обратился к Хадже: «Эй, Бахауддин, разве Хазрати Амир велел тебе звать трижды? Достаточно было одного, зачем зовешь три раза? Ты решил ослабить меня на весь мир?»

Тогда Хазрати Амир Кулал обратился к нашему Хадже: «О, Бахауддин, ты убедился, что у меня есть человек ближе тебя. Никогда впредь не предавайся себялюбию, ибо нет для человека ничего худшего, чем эгоизм».

Рубаи:

«С лица отбрось ты покрывало эгоизма,

Ведь себялюбие - удел последних из людей.

Знай, эгоизм принес проклятия позор Иблису,

Не опускайся же до участи Иблиса - будь скромней».

КАК ПОВЕДАЛ Мавлана Джалалуддин Халиди, он возвращался в Насаф, когда Хазрати Хаджа во второй раз направлялся в Хиджаз [для совершения «хаджа»]. Когда Хаджа спросил: «Будете ли в Бухаре?», он ответил: «Что там делать, если в Бухаре нет Хаджи Бахауддина?»

У Мавланы Халиди спросили: «Чей путь из последующих вы могли бы соотнести с духовным путем Хаджи Бахауддина?». Мавлана ответил: «Спросите лучше о предшественниках». Вот уже более двухсот лет таких проявлений и высот духа как у Хаджи Бахауддина не наблюдалось ни у одного из шейхов «Тариката» (суфийского ордена)».

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрати Хаджа (к.с.) беседовал в начале своих духовных состояний с Саидом Амир Кулалом (к.с.), у его приближенных возникла ревность, так как Хазрати Амир благоволил к нашему Хадже. Они в присутствии Хазрати Амир Кулала порочили его, всячески подчеркивая его недостатки. Хазрати Амир в собрании ничего им не отвечал.

Однажды собралось множество собратьев по ордену – «еронов». Причиной большого сбора было восстановление здания общины. Хазрати Амир поручил кому-то носить воду, кому-то месить глину, кому-то носить кирпичи. В этом собрании Хазрати Амир обратился к «еронам»: «Вы порочили мое дитя Бахауддина, некоторые из вас находили изъяны в его действиях. Вы еще его не узнали! Он близок к милости Всевышнего. Взор Праведных – это взор Всевышнего. Взгляните на носильщиков кирпича – кто-то несет по четыре, кто-то по шесть. Посмотрите на мое чадо Бахауддина, на-

брав двенадцать кирпичей, достающих до самой его головы, он с легкостью и радостью воодушевленно несет их. Во всех его делах, где бы он ни был, ему сопутствует благочестие, чем больше его благочестие - тем больше благосклонность к нему Всевышнего. Взгляды подданных подвластны взору Всевышнего. Не по моей воле взор мой чаще всего обращается к нему!»

Произнеся это, Хазрати Амир, позвав к себе нашего Хаджу, заявил при обществе: «Дитя мое, Бахауддин, я сполна выполнил волю Хазрата Хаджи Мухаммада Баба Саммаси – да будут святы его тайны. Он завещал мне воспитать тебя так, как воспитывал меня. Я сделал точно так же!»

Указывая себе на грудь, Амир сказал: «Птица Вашей духовности вылупилась из яйца человечности». Птица Вашего благородства исполнена высокого нравственного полета. Нынче я отпускаю Вас и Вы вольны избрать наставником того тюркского или таджикского (шейха), чей благородный дух достигнет Вашего дыхания. Не допустите же изъяна в Вашем благородном устремлении!»

Он [Амир Кулал] говорил: «Среди моих братьев нет похожих на этих двоих – Хаджу Бахауддина и Мавлану Арифа Деггарани – да будут святы их тайны. Они превзошли всех».

С этого дня, вдохновленный Саидом Амир Кулалом, Хазрати Хаджа с новым рвением продолжил духовный путь, следующими словами описав свое состояние

Рубай:

«О, трепетный влюбленный, жажدهшь встречи ты,

Свиданья обещанием воодушевленный грезидь ты,

Предел не зная горести, и радости не зная края,

Одним желанием томим, одной лишь встречи

жаждешь ты».

В таком духе наш Хаджа семь лет оказывал почтительную службу Мавлане Арифу Деггарани. Он выполнял эту службу с полным самоотречением и аскетизмом. [Хазрати Хаджа] обитал в Деггаране и его окрестностях. Продолжительное время вместе с Мавланой Арифом они трудились на строительстве [селения] Рабати Малик. Множество удивительных событий, тягот и лишений пережили они. Он продолжал почтительно служить Мавлане Арифу. В продолжении этих семи лет, даже выполняя омовение на берегу арыка, он никогда не омывался выше по течению, чем Мавлана. Находясь в дороге, он никогда не ставил стопу поверх следов его ног.

ПОВЕСТВУЮТ, что однажды в Деггаране Мавлана Ариф беседовал с собратьями. В этой беседе - «сухбате» участвовали несколько друзей нашего Хазрати Хаджи. У многих из них появилась мысль: «Как было бы славно, если бы в нашем «сухбате» участвовал Хазрати Хаджа, мы бы удостоились чести лицезреть его». Тотчас же, подняв голову, Мавлана Ариф сказал: «Мы призовем Хаджу Бахауддина», «еронь» [собратья] обрадовались.

В это время Хазрати Хаджа был в Бухаре. Здесь же [в Деггаране] в «тандыре» (печь для приготовления хлеба) готовилось несколько рыбин и, прежде чем открыли крышку «тандыра», вошел наш Хаджа. На нем была надета голубая рубаха, за спиной вязанка дров из сухой «джигды». Войдя, [он] поздоровался, Мавлана, ответив на приветствие, сказал: «Добро пожаловать, Эй, Бахауддин!»

ПОВЕСТВУЮТ, что вдохновленный Саидом Амир Кулалом, после Мавланы Арифа, наш Хазрати Хаджа (к.с.) направился к продолжателю Тариката Хаджи Ахмада Яссави (к.с.) - тюркскому шейху Кусаму.

При первой встрече Кусам Шейх ел дыню, кожуру он бросил перед нашим

Хаджой. Воодушевившись, [Хазрати Хаджа] счел за благо съесть кожуру, это обстоятельство повторилось трижды. В присутствии пришел Хадим Шейх, который сказал, что пропало три верблюда и четыре коня. Указав на Хазрати Хаджу, Кусам Шейх (на тюркском языке) сказал: «Держите его крепче!». Четверо «муридов» (последователей Шейха) яростно набросились на Хаджу. Коленопреклоненный Хазрати Хаджа погрузился в медитацию. После вечерней молитвы явился Хадим Шейх и заявил: «Верблюды и кони возвратились сами»

Два-три месяца наш Хаджа почтительно и безропотно служил Кусам Шейху (к.с.). Наконец, посетив Хаджу, Кусам Шейх воскликнул: «У меня девять сыновей, ты – десятый, и, первый среди них!»

Хазрати Хаджа говорил: «Каждый, кто не имеет представления о качествах тюркских шейхов, должен полностью отказаться от упований познать их Путь!»

Кусам Шейх на протяжении многих лет приезжал из Нахшабского «тумана» [района] в Бухару. Хазрати Хаджа оказывал ему великие почести. Кусам Шейх говорил: «Таких качеств и такой величайшей устремленности я не встречал ни у одного из учеников!»

Будучи чрезвычайно великодушным и очень простым человеком, Кусам Шейх в конце своей жизни сделал множество покупок в Тиме (торговом центре) близ мечети Саррафон. Он вошел в одну лавочку. Призвав к себе сыновей и близких, бывших с ним в это время, он промолвил: «Близок мой уход, давайте вместе прочитаем «Калимаи тавхид» [символ веры, гласящий «Нет Бога кроме Аллаха»]. Он читал, остальные вторили ему. В одно мгновение он отдал душу Истинному (Творцу).

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа сказал: «Саидом Амиром Кулалом

было явлено: «Птица Вашего благочестия достигла высокого полета, продолжайте движение на духовном пути исканий, это станет средством Очарованности». Если бы тогда я не покорился Амиру, то сейчас был бы далек от Очарованности и близок к суетности».

ПОВЕСТВУЮТ, что в дни мусульманского праздника «Хаит» множество людей со всей округи собралось к Саиду Амиру Кулалу. Чуть позади сидящего Хазрати Амира, возле «абриза» (сточной ямы для воды от омовений) сидел Хазрати Хаджа. Один из присутствующих, подняв голову, спросил Хазрати Амира: «Мы слышаны о качествах Совершенных людей, однако, кроме ваших «срнов» (приближенных), читающих по понедельникам и пятницам «зикри алония» (памятование Всевышнего вслух), мы не видим других носителей качеств Совершенного человека. Так есть ли хоть один Совершенный человек?»

Амир Саид, подняв голову, отвечал: «Есть, они сидят с нами бок о бок, однако, вы не из тех, кто видит их!». Затем, взяв из стоящей перед ним чаши шесть изюминок, и, назвав по имени нашего Хаджу, подозвал его к себе. Поднявшись из задних рядов, Хаджа подошел и сел напротив его. Хазрати Амир, сняв с головы чалму, сложил ее четверо. Подозвав четверых, он велел накрепко обмотать чалмою поясницу Хаджи. Затем он велел Хадже отправиться в кишлак Хаджа Мубарак, что в стороне Нахшаба, к Мавлане (Арифу) Деггарани: «Между мной и им есть знак, - нужно его принести, день уйдет на дорогу, день пробудешь там, и еще день уйдет на обратный путь, эти шесть изюмин - твоё дорожное пропитание».

Взяв эти изюмины, ближе к полудню Хазрати Хаджа вышел в путь из Сухара. Перед закатом солнца Хаджа достиг кишлака Мубарак. Наш Хаз-

рати Хаджа рассказывал: «С началом моего путешествия я впал в странное состояние, и, меня охватило великое чувство - я абсолютно не ощущал себя.словно каждый мой шаг равнялся пяти газам, десяти газам (аршинам). Достигнув подворья Мавланы, я не успел раскрыть рта, как Мавлана сказал мне: «Вы посланы Хазрати Амиром, между нами есть один знак, (Амир) спрашивает его. Сегодня и завтра будьте здесь, на третий день мы Вас проводим».

На третий день Мавлана заявил: «Знак этот – священная шапка «кулах» Хаджи Али Рамитани (к.с.). Этот знак между нами. Хазрати Амир говорил: «Вы достойны хранить «кулах». Я говорил ему: «Предпочтительнее хранить Вам». Такие речи между нами повторились несколько раз. Наконец Амир сказал: «Пусть «кулах» будет у Вас, придет время - мы востребуем [его]». Теперь это время настало и Они востребовали».

На третий день «кулах» вручили Хазрати Хадже. Он завернул «кулах» в упомянутую чалму и распрощался с Мавланой. Во время между двух молитв (перед закатом солнца) он достиг подворья Хазрати Амира в Сухаре, в руках у него были упомянутые шесть изюмин. Среди собравшихся находился и тот, кто задавал вопрос. Увидев происшедшее, он попросил прощения. Признав существование Совершенных людей, он воскликнул: «Оказывается изъян - в наших глазах!»

КАК ПЕРЕДАЮТ, Хазрати Саид Амир Кулал (к.с.) сказал Хазрати Хадже: «Воспитывая ученика, наставник хочет видеть плоды воспитания в ученике и хочет убедиться, что воспитание достигло цели. Если он видит изъян в ученике, то своим воспитанием исправляет этот изъян». Затем сказал: «Здесь сидит мое чадо Амир Бурхануддин, им никто не занимался и не начинал его духовного воспитания. При мне займитесь его воспитанием,

чтобы я увидел результаты его и убедился в Ваших качествах!».

Хазрати Хаджа занимался медитацией. Повернувшись к Хазрати Амиру, в силу воспитанности, он не дерзнул приступить к выполнению указания [в присутствии учителя]. Тогда Хазрати Амир заявил: «Молчание неуместно!» Исполняя указание, Хазрати Хаджа занялся «таваджухом» (обращением к сердцу) и «тасарруфом» (установлением скрытой духовной связи, преемственности) Амира Бурхануддина. Влияние «тасарруфа» не замедлило сказаться на внешности и сущности Амира Бурхануддина, - на его лице отразилось великое состояние, его обуяла истинная (духовная) опьяненность.

КАК ПОВЕДАЛ Хазрати Хаджа Алоухак Ваддин (Аллауддин Аттар) – да будет благоуханна его могила – путь Хазрати Хаджи был путем «факира» (неимущего, убогого). Он отказался от связей с мирским, умыл руки от всего суетного и отринул все, кроме Аллаха. Его благородное дыхание было исполнено скромного воздержания и человеколюбия. Благотельность Его была чрезвычайно высока. Он говорил: «Всем, чего мы достигли, мы обязаны этому».

Повествуют, что когда Хазрата Амира Кулала постигла последняя болезнь, он указал всем «еронам» (приближенным) сплотиться вокруг Хазрати Хаджи. «Ероны» спросили Хазрата Амира Кулала: «Ведь он не подчинился Вам и не выполнял «Зикри джахр» (поминовения Всевышнего вслух)?». Он [Амир Кулал] отвечивал: «Каждая практика Хаджи лучше всех других практик. Все проявленное в нем происходит по Божественной милости, а не по его, Хаджи, воле. Как гласят слова мудрости «Хаджагон» (наставников тариката): «Бойся, если тебя выведут, если же выйдешь сам - не страшись!»

Китъа:

«Любовь для всех одна, но разный принимает вид,

И каждый видит то, к чему он взор души стремится.

Святейшие Сиддик с Пророком на небе седьмом,

Но видят многие воочию в пещере их притом».

Вот этот аят: «В таком случае, если вы правдивы, принесите хоть одну книгу, более прямую, чем те две, что ниспосланы от Аллаха, и я последую ей» есть указание для преданных соискателей и людей устремленных. «Валлаху субханаху якулу-л-хакка ва хува яхди-с-сабил! Валлаху аълам».

Пресветел Всевышний Аллах, Он гласит истину и ведет прямым путем. Аллах Знающий.

МАКСАД ВТОРОЙ,

повествующий о духовном пути Хазрати Хаджи, качествах дервиша, Его состояниях и этике, а также высказываниях, сошедших с Его благословенных уст в благородных собраниях и удивительных высказываниях.

КАК ПОВЕСТВУЕТ Алауддин Аттар, путь нашего Хаджи был путем «факира» (бедняка), отказа от мира, полного одиночества, отречения от суетности. Его священные слова были исполнены самоотречения и человеколюбия. Благотельность Его была безмерна. Плоды речей Его сказывались на всех и становились общим достоянием. Поступки Хазрати Ишана были в строгом соответствии с Сунной (предписаниями Пророка) (с.а.в.). Он подчеркивал необходимость есть честно заработанный кусок хлеба, стремиться к чистоте и избегать сомнительных вещей. В речах Его часто звучал Хадис: «Ибодат» (Богослужение) состоит из десяти частей, из них девять – стремление к чистоте, и лишь одна часть – моления». У всех Его «еронов» (продолжателей) это качество было проявлено, и налицо был ре-

зультат трудов Его. Каждый из них наблюдал на себе результаты этой практики.

Пища нашего Хаджи состояла из плодов земледелия. Каждый год он сеял немного ячменя и «маша» (бобовое растение). И обрабатывал их. Он содержал волов. Ученые и вельможи, приходящие послушать его священные беседы, с благоговением ели его еду. В один из дней Хаджа сказал: «Из Хадисов [заветов Пророка (с.а.в.)] до нас дошло, что чистые жены, да будет доволен ими Аллах, на своей половине варили до полной готовности ячменную муку и употребляли в таком виде. В нашем доме несколько дней ели пищу из недоваренной ячменной муки. Женщины и все дети захворали. Подумалось и стало очевидно, что причина болезни и недомогания - пренебрежение женщинами предостережением Достопочтенного Пророка [Мухаммада] - да благословит его Аллах и да приветствует. Требовалось не есть недоваренного ячменя, твердо придерживаться этого правила, признать собственную вину. После раскаяния все выздоровели».

Байт:

«Пророка даже след ногой попать дерзнувший каждый

Заслужит участь оказаться ниже всех однажды»

И у Хазрата Хаджи не было никакого богатства в доме. Он жил как бедняк. На полу его мечети зимой лежала подстилка из сена, а летом – старая циновка. Был еще поломанный кувшин. У него не было работников. Когда спрашивали, почему не наймет слуг, он отвечал: «Рабство и рабовладение - вещи несовместимые!» Эти два байта приписывают ему:

«Нет у меня ковра и нет прислуги,

Нет турка в рабстве и оруженосца нет.

Лежу в ночи я, как придется, словно пес

Стоная тихо, положивши голову на хвост».

Он не предавался унынию и тоске, внутренний мир его всецело обратился в «зикр» (поминовение и упование ко Всевышнему). Эти два байта также его:

«Никто мы и не нужно ничего нам,

Страданья о недостающем нипочем нам,

Лохмотья на плечах, нам дом – могила,

Коль рок настигнет нас - и траур для чего нам».

Его добрый нрав и смиренность не имели границ. Как пример его высокой этики можно привести то, что, приходя в дом друга или дервиша, он интересовался самочувствием всех чад, домочадцев и прислуги, умел найти дорогу к сердцу каждого. Изредка мелкими поручениями он располагал людей к себе, он всегда был удовлетворен и доволен друзьями, соседями и сподвижниками - дервишами. Эта его благосклонность помогала каждому человеку встать на путь истинный.

Если кто-то приносил ему подарок, памятуя Сунну (наставления) Благословенного Пророка - да благословит Его Аллах и да приветствует - он отвечал таким же подношением. Если к нему приходил кто-то из друзей либо гость, независимо от позднего времени, он приносил и ставил перед гостем немного изысканной еды. До тех пор, пока дорогой гость не доест блюдо, светильник зажигался поярче. Когда гость засыпал, если бывало холодно, он укрывал гостя своим единственным халатом. С большой заботой он ухаживал за верховым животным гостя. Он цитировал слова Снискавшего Милость и Довольство Аллаха [Пророка (с.а.в.)]: «Нужно заботиться и ухаживать за верховым животным друга, поскольку это животное стало средством для визита к тебе друга».

Преданный дервиш Шейх Шоды задал мулам корм и приносил еду гостям. Почтительно сложив руки, он стоял, склонившись перед ними. Он готовил куски глины для туалета гостей и говорил: « Ублажение гостей - превыше жизни».

Наш Хаджа завещал дервишам и настаивал на твердом соблюдении правил приема пищи. Как бы ни был широк круг застолья, если кто-то ел небрежно, Хазрати Хаджа с большим тактом делал ему замечание. И не позволял невежественно есть еду. Если же еда была приготовлена в гневе, раздражении или без желания, то такую пищу он не ел. И не позволял есть другим дервишам.

ПОВЕСТВУЮТ, в один из дней Хазрати Хаджа был в Гадьюте. Один дервиш приготовил блюдо. Он [Хазрат] сказал: «Нам негоже есть это блюдо, ибо оно приготовлено в гневе, кто-то в негодовании просеивал муку и месил тесто».

Если [при готовке] громко ударяли шумовкой о котел, [Хазрат] не ел из этого котла, говоря: «Не будет блага и проку из любого дела, сделанного в гневе, без желания и с небрежением, в него [дело] вмешивается шайтан и «нафс» отрицания. А значит, чего хорошего можно ждать в результате? Здание хороших свершений и красивых дел складывается из чистой пищи «халяль». Если такая пища употребляется со знанием дела, то во всех начинаниях и, в частности, в молитве получишь хорошее последствие».

Если какой-то дервиш по его указанию отправлялся в путешествие, даже если он путешествовал год, по возвращении подробно расспрашивал обо всех происшествиях на каждом участке пути. Если он [дервиш] не был из знающих и бдительных, он [Хазрат] с великодушной снисходительностью давал объяснения происшедшему. В спорных делах он безжалост-

но подавлял свой «нафс». Если кто-то с вежливой учтивостью обращался к нему - он отплачивал ему добром, когда почтенный человек удостоивал его визитом, Хазрат обязательно посещал его дом с ответным визитом вежливости. Провожая (гостя) он придерживал стремя, помогая сесть в седло. «Изо хаййотум би тахиййатин фа – хаййув би - ахсани минхо»⁴⁷.

КАК ПОВЕСТВУЕТ Хаджа Алауддин Аттар – да сделает Аллах его могилу благоуханной - Хазрати Хаджа (к.с.а.) одним своим благотворящим взором в кратчайший срок вводил дервишей в такое состояние «халь», что они полностью очищались от мирской суеты и низменных качеств души. Также как различают вкусные и невкусные блюда, он различал, в каком состоянии находится человек.

Рассказывают, что один дервиш трапезничал. Его спросили: «Какое это блюдо?» Дервиш ответил: «Блюдо таково, каково мое состояние». Ибо состояние печали – одно, состояние же радости - другое.

ПОВЕСТВУЮТ, что один бедняк посадил у дороги бахчу. Хазрати Хадже выпало проходить в этой местности. Дехканин [селянин] отыскав на грядке дыню, с почтительным уважением поднес ему. Этот жест доставил большое удовольствие [Хазрату] и он проявил к нему свою благосклонность. Спустя некоторое время в одном собрании Хазрати Хаджа сказал так: «Еще когда люди не узнавали нас, этот дервиш принял в нас участие, преподнес нам дыню с бахчи. Естественно, мы обязаны и явно, и тайно защищать его положение. Платить добром за добро считается почетным делом». Еще он сказал: «Каждый раз, когда встречаются два мусульманина, если раньше поздоровается один, то, второй, покуда жив, в неоплатном долгу перед первым. Уважение к праву человека – один из обычаев Пути – «сулук».

Поистине кроткий нрав этого мужа стал причиной роста беззаветной любви, и, любовь эта привела на путь Преславного Творца [Аллаха].

ПОВЕСТВУЮТ, что один набожный и аскетичный юноша постоянно постиющийся удостоился чести быть на беседе [Хазрата]. Внесли вареную рыбу. Хазрати Хаджа велел ему: «Ешь». Тот отказался. Тогда [Хазрат] сказал: «Я посвятил тебе свой пост «рамазан» - ешь».- Тот не принял. [Хазрат] сказал: «Такой же случай был в присутствии у Хазрата Султана-л-Арифин». И добавил: «Оставьте его, он - из тех, кто далек от нас».

Поистине так и случилось - в скором времени он [юноша] увлекся преходящим миром и лишился счастья слушать священные беседы Хазрати Хаджи.

КАК ПОВЕСТВУЕТ Хазрати Хаджа Убайдуллах Ахрар в своем «Макомате»: «Когда я впервые направлялся из Бухары в Хири и Марв мне в попутчики попал человек по имени Хаджа Мусафир [приезжий, путешественник]. Родом он был из одного хорезмского кишлака. Он долгое время оказывал услуги – «мулозамат» дервишам. Он был уже в пожилом возрасте, где-то около девяноста лет. Он сказал мне так: «Я много раз бывал в добровольном служении – «мулозамат» у Хаджи Бахоуддина. Он был ко мне очень благосклонен. Однажды, договорившись с сообществом, мы решили привести к нему музыкантов – исполнителей на свирели, бубне и нас, чтобы они помузицировали. Ну-ка, что на это он скажет. Мы с этим сообществом прибыли к услугам Хаджи. Хаджа сидел в этом собрании, однако не воспротивился. В конце он сказал: «Мы не делаем это, но и не порицаем этого».

Хаджа Мусафир продолжал: «Хазрати Хаджа вели строительство. Все «ероны» - сподвижники принимали в этом участие. Когда солнце достиг-

ло зенита, зной очень усилился. Хазрати Хаджа велел «еронам» отдохнуть часок. Все, помыв руки – ноги, расположились в тени и заснули. Хаджа Мухаммад Парса, перемазанный глиной, заснул [от усталости] на краю глиномешальни на солнцепеке. Чуть погодя пришел Хазрати Хаджа и окинул взором всех «еронов». Поравнявшись с Хаджой Мухаммадом Парса, и, увидев его в этом состоянии, он отер свое благословенное лицо о его ноги и произнес: «Господи, пошли во имя уважения к этим ногам свою милость Бахауддину!»

ПОВЕСТВУЮТ, что в один из дней нашему Хадже принесли «халим». ⁴⁸ Они поели «халим». В присутствии был один дервиш, он не ел блюдо. Хаджа спросил его: «Почему не ешь?» - «Я пощусь» - отвечал тот. – «Какой пост держишь?» – вопрошал Хаджа. Дервиш промолчал. Хаджа сказал: «Ешь, [ибо] мы проведены сквозь «Фазл» [Врата совершенства] и нам дано исполнять «фарз, важиб и суннат» (должное, желательное и необязательное). «Манн шагала-л-фарзу ъани-л-фазли фа-хува маъзурун. Ва ман шагалаху-л-фазлу ъани-л-фазли фа-хува магрурун». ⁴⁹

Затем сказал: «У людей, относящихся к нашим друзьям, не хватит терпения для выполнения практик и аскетического подвижничества, ниспосланных нам Всевышним. Ваше единственное дело - отказать от воли. Стремитесь заслужить одобрения у смирившихся сердцем. Каждый дервиш должен стремиться заслужить благосклонность людей Божьих. Считается, что, к такого рода словам относятся слова о том, что для дервиша предпочтительнее служение шейхам, чем чтение дополнительных молитв. Как доносят Хадисы - Благословенный [Пророк] - да благословит его Аллах и да приветствует - находилась в путешествии. Повелитель право-

верных («Амирул-муминин») Абу Бакр Сиддик и Умари Фарук - да будет доволен ими Аллах - прислуживали Вождю. Они держали дополнительный пост. Господин – да будет доволен им Аллах и да приветствует – приказал: «Прервите пост, мы в пути - постящийся слабеет и становится неспособен к службе, принуждая других ухаживать за собой».

ОДИН МУДРЕЦ поведал, что в один из дней присутствовал при священной беседе Хазрата Хаджи (к.с.). Он [мудрец] рассказывал: «Я постился, об этом никто не знал. Наш Хаджа велели одному дервишу: «Принеси трапезу». Затем, обратившись ко мне, произнес: «Биъса-л-абду хува музиллун» и прокомментировал этот Хадис: «Хува музиллун» здесь означает отречение в делах от Истинного, на «макоме» [стоянке] «сайри илаллох» (созерцание Всевышнего) оно является отречением от Истинного».

Когда трапеза была готова, он изрек: «Ешь еду, ибо сказано: «Жизнь нужна затем, чтобы сначала испытать, а затем руководствоваться опытом в действиях». Мы испытали, нужно есть». Он [Хазрат] намекал на мое состояние, мол, ты предал себя пути Истинного [Аллаха], пост же этот - от противоречий и из воздуха, ты отрекаешься [им] от Истинного, тебе ж - должно смириться пред нами, без смирения дервиш не достигнет нашей благосклонности».

ПОВЕСТВУЮТ, что один из дервишей Хазрата Хаджи однажды много говорил о вере и истинности Ислама и был весьма категоричен в этом. Прослышав об этом, Хазрати Хаджа сказал ему: «Откажись от такой раздражительной веры, с этих пор на «сухбат» (беседу) дервишей дороги тебе нет!» Тот дервиш долго молил, прося смилостивиться, наконец, он достиг желаемого, и, ему помогли переступить упомянутую черту, в востор-

ге он восклицал: «Эх, когда бы раньше Они [Хазрат] оказали мне благоволение, «Альхамдулиллах» [Хвала Аллаху], переведа через черту, привели меня к счастью!»

ПОВЕСТВУЮТ, что в один из дней Хазрати Хаджа Алауддин повстречался с одним из дервишей Бухары, претендующим на величие. Между ними возникли споры о потустороннем мире. Хаджа Алауддин одержал победу (в споре) над дервишем. Это известие дошло до нашего Хазрати Хаджи и он спросил у Хаджи Алауддина: «Ты – «вали» (святой)?» Он (Алауддин) по своему обыкновению отрицал это качество. Хазрати Хаджа еще раз вопрошали: «Я спрашиваю тебя, ты – «вали»?». Хаджа Алауддин молчал, выражая покорность и смирение. Хазрати Хаджа сказали: «Если ты - не «вали», отрекись от претензий на святость!» Хаджа Алауддин безмолвствовал. Хазрати Хаджа продолжили: «Если хочешь моей беседы, ты должен отречься от претензий на святость!»

Хаджа Алауддин говорил: «Снизшло милосердие Творца и избавило меня от преград и завес. В этом состоянии и полноте я увидел и постиг вещи еще более совершенные!»

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа (к.с.а.) ехал верхом в Куфине. Его сопровождало очень много людей. [Он] был в странном состоянии и из глаз его катились слезы. Это их состояние передалось всему сообществу, они тоже плакали. Через некоторое время [Хазрат] подняли голову и с болью произнесли: «Из-за своей бесполезности, мерзости и никчемности я не достоин [даже] получения ответа на свое приветствие, Господь Истинный и Праведный посрамил меня, связав со мною людей, никто не ведает моего состояния!»

Мисра:

«Коль знали б вы меня, изгнали бы из града».

ПОВЕСТВУЮТ, что Хазрати Хаджа как-то сказали: «Однажды один дервиш читал вот этот байт».

Байт:

«В стремлении друзей искать среди хороших –
в мире все едины,
Но коль из худших друга изберешь –
ты мячик цели извлечешь из самой середины».

Мы извлекли урок из этих слов». Затем сказал: «Эй, дервиши, заучите эти слова!»

КАК ПОВЕСТВУЮТ, в одной из мечетей Насафского вилаята имамом (настоятелем) был Мавлана Дарвиш из кишлака Найистан. Он повздорил со своей женой Лайлохатун. В душу жены запала глубокая обида. Хазрати Хаджа отказали в своей благосклонности Мавлане Дарвишу. Посредничество «еронов» (собратьев) так же не было принято. После этого Хазрати Хаджа направился в Насаф и, никуда не отвлекаясь, пришел к дому этой женщины. Приложившись благословенным ликом к порогу дома женщины, он попросил прощения, говоря: «Этот грех совершил не он, этот грех совершил я». От Их благородства женщина и все присутствующие обратились в приверженцев [Тариката]. После этого тот дервиш был прощен и стал одним из людей угодных.

ХАЗРАТИ Хаджа Алауддин - да будут благоуханны его тайны - поведал следующее: «По милости Творца, под благотворным воздействием дыхания Хазрати Хаджи (к.с.), его ученики с первых же шагов постигали искусство самосозерцания («мурокаба»). Если это благосклонное внимание и воспитание продолжалось - они достигали степени «адам» (отсутствие). Если это наблюдение продолжалось далее - достигали макома «фано» (стоянки исчезновения, то есть, полного отделения от брэнного мира). Полностью отрешившись от себя, растворя-

лись в вечности Истинного. Здесь наш Хаджа благословлял: «Посредством достижения плодов этого успеха нужно полностью отрешиться от себя и достичь истинной Цели!»

ОДИН МУДРЕЦ рассказывает: «Во времена, когда исполнял богослужения в Бухаре, я жил в кишлаке Фаткобод. Как-то в конце дня повстречал одного из дервишей Хазрати Хаджи (к.с.а.). Он (дервиш) спросил: «Почему не спешишь на его «сухбат» (беседа)? Я отвечал: «Уже время позднее». В душе же подумал: «Для его [Хазрата] беседы нужен специальный «ихрам»⁵⁰. И потом еще подумал: «Зачем своим приходом мутить Их благословенное собрание?»

Во время «бомдода» (первой утренней молитвы) я удостоился чести повстречаться с ним [Хазратом]. Обратив свое лицо к друзьям, он сказал так: «Был у меня один мудрый друг, однажды я спросил его: «Что произошло, почему редко приходишь на наш «сухбат» – беседа?». Он же отвечал: «Не хочу осквернять своим присутствием ваше благословенное общение». [Я] сказал ему: «Нет, это не так, приходи, почти нашу беседу». Я повлек его в сторону моего дома. У меня был пес - волкодав, я разговаривал с ним. Тут я сказал мудрецу: «Наш собеседник - вот это существо, уместны ли теперь мысли, посетившие вас?».

Байт:

«Уж лучше пес, тот, что тебе внимая
Понимает не слова, но душу,
Чем человек, что слушает слова,
Но сердца не услышал».

ПОВЕСТВУЮТ, что в год, когда из Кипчакской степи пришли в Бухару завоеватели – «лашкары», со всей округи люди схоронились за городскими стенами. Хазрати Хаджа в окружении группы дервишей сидели после об-

щей молитвы в мечети. Внезапно вошли двое учеников из числа его почитателей. Хазрати Хаджа велели им: «Очистите крыши, которые люди из окрестностей превратили в отхожие места. Затем добавили: «Я вычищал отхожие места всех бухарских «медресе» (духовных учебных заведений) и выносил на носилках. Когда я рассказал об этом одному дервишу, он сказал: «Ты делал легкую работу, вынося [нечистоты] на носилках, я, вычистив все медресе, - выносил на голове».

ПОВЕСТВУЮТ, что в начале «халя» (мистических состояний просветления) Хазрати Хаджа сидели на «сухбате» – беседе с Мавланой Абдулазизом, Мавланой Некишахом, Шейхом Мухаммадом Дархани и еще с десятью – двенадцатью людьми. Наш Хаджа поднялся с места и снял со своего благословенного тела одежду. Обернув вокруг бедер повязку, [он] сказал: «Все, чего я достиг явным и внутренним, я жертвую вам. Сердца их растрогались и [они] сказали: «Вы делаете это, будучи в состоянии «Камаль» [Совершенство], нам больше надлежало так поступить».

Каждый из них стал жертвовать явно и скрыто, и, у всех десятерых до двенадцати дней продолжалось это пленительное состояние.

ПОВЕСТВУЮТ, что когда Хазрати Хаджа возвращался из первого путешествия в Хиджаз (паломничества в Мекку и Медину), он некоторое время находился в Мерве и позволил друзьям посещать себя. В Мерве образовалось большое собрание. Жители Хорасана не видывали такого «сухбата» (общения).

В одном из таких собраний Хазрати Хаджа сказали: «Пусть каждый произнесет по строфе стиха «гурм».⁵¹

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Ариф – познавший.
- 2 Авлие (араб.) – святые.
- 3 Здесь речь идет о Хазрате Бахауддине (к.с.а.).
- 4 Силсила – цепь, последовательность в передаче духовного знания у суфиев.
- 5 Азизон – почитаемые, достопочитенные (так именуют великих шейхов).
- 6 Так по традиции говорит о себе повествующий.
- 7 Селение Касри Хиндувон (Замок Индийцев) будет переименовано в Касри Арифон (Замок Познавших).
- 8 Ракаат – часть молитвы.
- 9 Дервиш – член суфийского ордена (тариката), странствующий суфий.
- 10 Сухбат – беседа на духовные и религиозные темы.
- 11 Султанат – государство, царство.
- 12 «Всю жизнь принадлежал ты лишь себе, Теперь пора принадлежать лишь Нам!»
- 13 Пир – духовный наставник, учитель.
- 14 Мюрид – ученик, последователь шейха.
- 15 «Люди Божьи – не боги отнюдь, Но и от Бога - не раздельны суть».
- 16 «На попрнице Любви [к Богу] не нужны подложные фальшивки, Там нужен прошедший горнило огня чистый металл».
- 17 Ахваль, халь – состояние божественного просветления, экстаза у соискателя идущего по пути суфийского самосовершенствования (Тасавуф).
- 18 Кибла – направление к Мекке – священному городу мусульман, считающемуся центром Земли.
- 19 Здесь речь идет о Хадже Абдулхалике Гиждувани (к.с.а.).
- 20 Хаджаи Джахон – уважительный титул Абдулхалика Гиждувани, буквально «Святой Вселенной».
- 21 Сулук – духовный путь суфиев.
- 22 Сунна – предание о деяниях и словах Пророка Мухаммада (с.а.в.).
- 23 Хадис – достоверное свидетельство о Пророке (с.а.в.).
- 24 «Зикр» – воспоминание Всевышнего в традиционнo сложившихся формах.
- 25 «Джазаба» – Божественный экстаз.
- 26 «Мазар» – кладбище.
- 27 «Фано» – небытие, исчезновение.
- 28 «Тарикат» – суфийский орден.
- 29 «Таваджух» – духовное обращение к душам суфийских наставников.
- 30 «Нафс» – низменные душевные побуждения.
- 31 «Никто не преградит милость, ниспосланную Аллахом, как никто не устранил преград после того, как их учинит Он».
- 32 Абу Музис Хусайн ибн Мансур Аль Халладж (род. 850 г. – казнен в 992 г. н.э.) – выдающийся суфий, казненный за свои проповеди.
- 33 «Маком» – стоянка, ступень на духовном пути суфия.
- 34 Махдум – господин, повелитель, хозяин.
- 35 Хазрати Хызр (р.а.) – легендарный святой, испивший из источника живой воды и обретший вечную жизнь.
- 36 «Хадж» – паломничество в Мекку и Медину, один из пяти столпов Ислама.
- 37 «Тавба» – ритуальная формула покаяния, буквально «каюсь».
- 38 «Кутб-ул-Авлие» – Полюс Святости.
- 39 «Файз» – сопричастность, Божественное вдохновение.
- 40 Здесь речь идет об Абу Язиде (Баязиде) Бистами.
- 41 «Сайр» – обзор, обозрение.
- 42 «Мустафо» – избранный, один из титулов Пророка Мухаммада.
- 43 «Шом» – четвертая молитва, исполняемая после захода солнца
- 44 «Кутб» – Полюс Времени, высочайшая ступень в иерархии суфизма.
- 45 Почетный титул Баязида (Абу Язида) Бистами, буквально – Повелитель Совершенных.
- 46 «Барадар» – сподвижник, единомышленник, собрат.
- 47 «Если Вас человек поприветствует и вознесет молитву, поприветствуйте его и

Традиции суфизма (тасавуфа)

вознесите за него молитву лучше его».

47 Особым образом приготовленная каша из очищенных зерен пшеницы и мяса.

48 «Прощается тому, кто, выполняя Долг, не достигает Совершенства, но обманывается тот, кто, стремясь к Совершенству, забывает о Долге».

49 Здесь подразумевается, что как для паломничества в Мекку – «Хаджа» нужно специально готовиться, так и для посещения Хазрати Хаджи нужна специальная подготовка.

50. Здесь имеется в виду восхваляющий стих.

51 «Фотиха» - сура «Открывающая Писание», первая глава Священного Корана.

52 Имеется в виду омовение перед смертью.

53 «Собаки же их лежат, положив передние лапы на порог».

54 «Байтуллах» – буквально «Дом Аллаха», так мусульмане называют храм Каабы в Мекке.

54 «На что ни смотрю – вижу в том Аллаха, на что ни смотрю – вижу в конце его Аллаха, на что ни смотрю – вижу в начале его Аллаха».

56 Малик – принц, правитель.

57 Притягательная сила «джазаба», идущая от Аллаха, равна приверженности роду человеческому.

58 «Ни торговля и ни купля-продажа не способны отвлечь их от поминовения Аллаха».

59 «Святость превыше Пророчества».

60 «Иман (вера) – это очищение от всего приносящего пользу либо вред, кроме исключительно Единого Аллаха».